

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
SOCIAL GEOGRAPHY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

<https://doi.org/10.30758/0555-2648-2022-68-4-420-436>
УДК [316.47+656.02](985)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ORIGINAL ARTICLE

**Фактор неопределенности в современных сообществах
Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению**

К.В. Истомин, Н.Б. Вахтин*

Центр социальных исследований Севера АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», Санкт-Петербург, Россия

**kistomin@eu.spb.ru*

Резюме

Статья знакомит читателей с работой Центра социальных исследований Севера Европейского университета в Санкт-Петербурге по исследовательскому проекту «Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в Российской Арктике». Основные вопросы, на которые призвано ответить исследование: какова роль природной и социальной неопределенности в жизненных ситуациях постоянного населения Арктики? Каковы стратегии действий населения в условиях неопределенности? Какова роль различных акторов в преодолении негативных последствий природных и социальных неопределенностей? Дается обзор теоретических и методологических основ проекта и литературы по объекту на русском и английском языках.

Ключевые слова: антропология неопределенности, антропология рисков, методология, сообщества Крайнего Севера.

Для цитирования: *Истомин К.В., Вахтин Н.Б.* Фактор неопределенности в современных сообществах Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. Т. 68. № 4. С. 420–436. <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2022-68-4-420-436>.

Поступила 20.10.2022

После переработки 07.11.2022

Принята 11.11.2022

**Uncertainty factor in contemporary communities of the Russian Arctic:
methodological approaches to research**

Kirill V. Istomin, Nikolai B. Vakhtin*

Center for Arctic Social Studies, European University, St. Petersburg, Russia

**kistomin@eu.spb.ru*

Summary

The article introduces readers to work on a new research project “Overcoming Uncertainty in Interaction with the Physical and Social Environment in the Russian Arctic” by describing its conceptual and theoretical approach and premises as well as the steps of designing it. It opens with an analysis of the concept of risk, which is currently popular in the Arctic Social Studies and which is sometimes claimed to be the central concept in the field. It proceeds by describing the new approach, which is based on the concept of uncertainty, both natural and social, which constantly accompanies human life in the Far North. The inhabitants of the North know from experience that uncertainty cannot be ruled out, but one can be constantly prepared for it by planning one’s behavior with this factor in mind. Furthermore, one can suggest that the effects of ecological, economic and social changes are experienced by these inhabitants first and foremost as shifts in the level and kind of uncertainty. Therefore, the concept of uncertainty can replace the concept of risk in the studies of the effects of change on northern communities; in fact, “uncertainty” is preferable because its conceived nature is obvious, while in many risk studies, risk is still perceived as something objective. The main questions that a study of uncertainty can answer are: what is the role of natural and social uncertainty in the everyday life of the permanent population of the Arctic? What are the action strategies of the people in the face of uncertainty, including discursive strategies to explain the growing uncertainty? What is the role of state authorities, industrial companies, local organizations, urban and rural communities in overcoming the negative consequences of natural and social uncertainties? How are social connections and networks involved in dealing with situations of uncertainty? The paper demonstrates how these questions can be answered on the basis of anthropological fieldwork. It also uses examples from the Komi Republic (Vorkuta), Yakutia (Chersky settlement), and Magadan area to demonstrate the sort of problems the uncertainty-based approach can contribute to solving. A review of the existing literature in Russian and English is presented in order to give the reader useful insights into the field of uncertainty studies and outline the main directions of research that a study of uncertainty can take.

Keywords: anthropology of risks, anthropology of uncertainty, Arctic communities, methodology.

For Citation: *Istomin K.V., Vakhtin N.B.* Uncertainty factor in contemporary communities of the Russian Arctic: methodological approaches to research. *Problemy Arktiki i Antarktiki*. Arctic and Antarctic Research. 2022, 68 (4): 420–436. [In Russian]. <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2022-68-3-420-436>.

Received 20.10.2022

Revised 07.11.2022

Accepted 11.11.2022

ВВЕДЕНИЕ

В послесловии к только что изданному коллективному труду, посвященному социальным исследованиям Арктики и носящему очень характерное, на наш взгляд, название «Рискованное будущее: климат, геополитика и местные реалии неопределенного полярного Севера» [1], Майкл Браво определяет задачу этого труда и, шире, социальных исследований Арктики вообще как описание и анализ «созвездий рисков» [2, p. 210], т. е. комплексов взаимосвязей в экологической среде, социальной среде и между ними, разрушение или трансформация которых потенциально способны нанести значительный урон обитателям Арктики. Редакторы коллективного труда, Ольга Ультургашева и Барбара Боденхорн, являющиеся, как и М. Браво, весьма значимыми фигурами в современном социальном североведении, также указывают риск в написанном ими введении к данной книге в качестве одного из ключевых понятий своей дисциплины [3].

Такое «увлечение» риском кажется вполне уместным, учитывая рост экологических, социальных, экономических и политических угроз в современном мире, пожалуй наиболее сильно ощущаемый в арктическом регионе. И тем не менее, на наш взгляд, коллективный труд мог бы сильно выиграть, в том числе в плане оценки воздействия на население Арктики упомянутых угроз, если бы редакторы поменяли

местами в его заглавии и, что еще более важно, в предлагаемой ими теоретической рамке (которую они, как мы уже сказали, склонны распространять на всю дисциплину), понятия «риск» и «неопределенность».

Действительно, уже почти сорок лет назад в давно ставшей этнологической классикой работе «Риск и культура» [4] Мэри Дуглас и Аарон Вилдавски показали, что в характере преобладающих в обществе социальных связей произошел существенный сдвиг: платформой, на которой происходит формирование крупных общественных групп и объединений — партий, общественных движений, молодежных субкультур и т. д. (включая и некоторые религиозные группы), — перестает быть общность классовых, расовых, культурных и т. п. интересов; на первый план все больше и больше выходит то, что исследователи называли «общностью страхов». Анализируя наиболее яркие общественные движения своего времени — движение в защиту природы и движение за разоружение, — авторы пришли к выводу, что членов этих движений объединяет не сходное общественное положение, уровень образования, этическое или расовое происхождение, а социально сконструированная иерархия рисков. Так, в представлении членов движения за разоружение риск ядерной войны превышает все остальные риски, и именно это представление наполняет их деятельность смыслом и отличает их как от членов других общественных движений, так и от остальных представителей общества, чья «иерархия рисков» устроена иначе. (Другим существенным вкладом исследования Дуглас и Вилдавски в антропологическое знание стала демонстрация того, что риски — а уж тем более их иерархии — социально сконструированы. К этому их утверждению мы еще вернемся в тексте настоящей работы.)

Хотя события прошедших сорока лет показали, что авторы слегка поторопились сбрасывать со счетов «классические» факторы социальной мобилизации, им тем не менее удалось «нащупать» нечто важное и новое. Заложенное ими направление исследований нашло свое продолжение, например, в работах Ульриха Бека [5] и наиболее ярко — в работах Дэвида Чейни (напр., [6]). Последний утверждает, что на смену классовым различиям в современном обществе пришли различия в стилях жизни (lifestyles) и именно они определяют современную общественную структуру. Стиль жизни, по мысли Чейни, имеет две стороны: surfaces (поверхности), т. е. внешние проявления, заключающиеся в определенном стиле одежды, поведения, потребления материальных и культурных благ, и sensibilities (что можно перевести как «беспокойства»), т. е. особый набор тем и дискурсов, обычно отсылающих к той или иной общественной проблеме (положение женщин, права подростков, политические предпочтения и т. д.), вызывающих сильную эмоциональную реакцию. Именно на базе sensibilities носители того или иного стиля жизни и объединяются между собой. Иными словам, в современном обществе действует максима: «Скажи мне, что тебя беспокоит, и я скажу, кто ты», причем, как утверждает Чейни, она действует как при социальных контактах и межличностном общении, так и при формировании у личности «образа себя», создании собственной идентичности.

Несомненно, «беспокойства» Чейни значительно отличаются от «иерархии рисков» Дуглас и Вилдавски, да и сама его теория стилей жизни остается открытой для критики. Мы полагаем, однако, что гораздо важнее общая мысль, которая связывает эти теоретические работы, а также упомянутую выше работу Бека и целый ряд других исследований (напр., [7 и 8]), а именно, что для понимания процессов,

происходящих в современных человеческих (со)обществах, мало учитывать лишь те события и изменения, которые действительно происходят внутри и вокруг него; важное значение имеют также события и изменения, которые *могут* произойти (или не произойти) с точки зрения членов этих сообществ. Оценка возможного влияет на действия людей не в меньшей степени, чем оценка реального. К настоящему моменту накоплено, по нашему мнению, достаточно эмпирических доказательств этой мысли, и на повестке дня стоит разработка концептуального аппарата и методов, способных развить ее в исследовательскую программу. Такая программа, на наш взгляд, обладала бы гораздо большим потенциалом в понимании воздействия существующих угроз на человеческие сообщества, в том числе проживающие в арктическом регионе, по сравнению с классическими исследованиями риска. К сожалению, в этом направлении до сих пор сделано не так много, особенно в теоретическом плане.

Цель настоящей статьи — наметить основные черты подобной программы, ориентированной на исследование человеческих сообществ Российской Арктики. В основу ее положен наш опыт разработки исследовательского проекта по данной тематике для Российского научного фонда.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование роли и места возможного в формировании человеческого поведения исторически начиналось как исследование риска и отношения к нему. Антропология и социальные науки, впрочем, в данном случае не одиноки: риск уже долгое время является популярным предметом исследования в экономике, медицине, инженерном деле и ряде других наук. Более того, понятие риска — тот редкий случай, когда научный термин, пришедший из экономики и имеющий строгое математическое определение (*ущерб от события, умноженный на вероятность этого события* [7]) проник в живую речь и стал частью повседневного дискурса. Неудивительно поэтому, что риск долго воспринимался — и часто воспринимается до сих пор — как сугубо объективное явление, существующее вне и помимо человеческого сознания. (Заметим, что в когнитивной психологии существует целое направление исследований, призванное объяснить «ошибки» в оценке риска и неопределенности, которые мы «постоянно совершаем в обыденной жизни» [17]).

Недостаточность такого подхода к риску очевидна. Начало его критики положило уже упомянутое нами исследование М. Дуглас и А. Вилдавски [4], где было впервые продемонстрировано, что оценки риска и неопределенности зависят от культурных и социальных факторов. Однако наиболее существенными в плане критики «объективистского» подхода к риску и неопределенности стали работы об «Обществе риска» У. Бека [5]. В этих работах, фактически заложивших основу теории рефлексивной модернизации, показано, что современное общество не просто само создает риски и неопределенности, но их создание (и последующее преодоление) следует считать нормальной формой его функционирования. При этом вопрос об объективности этих понятий вообще не имеет смысла: большинство рисков в современном обществе порождено самим обществом, то есть риск не является объективной реальностью, которая «правильно» или «неправильно» воспринята его членами.

Это удобно показать на примере изменения климата, которое часто называют одним из наиболее существенных рисков в современном мире. Если в прошлом веке — и даже в первом десятилетии нынешнего — риски, связанные с изменением климата, трактовались как объективные, несмотря на разницу их оценки в различ-

ных странах, то сегодня в литературе прочно утвердилась мысль, что оценка риска глобального потепления неотделима от восприятия этого риска в обществе (см. 9–12]. Это вызвало шквал социологических исследований восприятия глобального потепления различными группами населения, в том числе — коренным населением Севера (см., напр., [13–16]). Наиболее масштабным примером такого исследования — и одновременно признанием их важности — стал проект Организации Объединенных Наций “Peoples’ Climate Vote”, результаты которого были опубликованы в январе 2021 года (см. <https://www.undp.org/publications/peoples-climate-vote>).

Существенным недостатком исследований такого рода, однако, является их сохраняющаяся привязка к «экономическому» и «инженерному» понятиям риска, что, по нашему мнению, сильно снижает их информативность, поскольку понятия эти содержат неизбежную отсылку к опасности, убытку и алармистскому дискурсу в целом. В результате для многих, если не большинства, людей «риск» становится практически синонимом понятия «опасность», и исследовательское внимание неизбежно направляется в сторону оценки опасных, потенциально разрушительных последствий природных и социальных изменений. Этим, в частности, объясняется широко растиражированный образ северян, особенно «коренных», как жертв климатических изменений, который в последнее время справедливо критикуется: «Однако было бы ошибкой рассматривать коренные народы только как потенциальные жертвы глобального изменения климата. На самом деле коренные народы редко представляют себя беспомощными или неспособными справиться с переменами...; [о]ни обычно подчеркивают, что их окружающая среда всегда менялась и постоянно меняется... они также систематически выражают уверенность в своей способности адаптироваться к любым обстоятельствам, которые может принести изменение климата» [18, p. 9].

Выходом из этой ситуации могло бы стать смещение фокуса исследования с понятия риска и его восприятия жителями Арктики к понятию неопределенности и адаптации к ней как основного предмета исследования. Это дает возможность оценить восприятие жителями Арктики происходящих изменений в их взаимосвязи: ведь климатические изменения — далеко не единственный (хотя и важный) элемент неопределенности в Арктике, и он несет далеко не только опасности, но и возможности, которые также влияют на оценку этих изменений.

Конечно, некоторые последствия, скажем, природных изменений могут быть однозначно угрожающими — например, зимний дождь, вызывающий наледь и падеж оленей, — но многие из них могут быть нейтральными, а иногда и содержать новые возможности, в зависимости от восприятия их и реакции на них. Так, более поздний ледостав и промерзание грунта могут вызвать более позднее открытие зимников, что в некоторых контекстах может быть воспринято как угроза. Однако те же явления могут продлить водную навигацию, открыть новые возможности для рыболовства или сельского хозяйства. Поэтому методологически правильно, особенно в контексте качественного исследования, говорить не о рисках, связанных с природными или социальными изменениями, а о порождаемой ими *неопределенности* (см. [19]).

Понятие неопределенности ценно еще и потому, что позволяет поставить воздействие и восприятие природных и социальных изменений в более широкий контекст. Как справедливо пишет Игорь Крупник, «процесс “нормализации” для таких [арктических] общин означает, что заботы об изменениях климата оказались

вплетены в ткань повседневной жизни, где другие тревоги — смерть и болезни, экономика, цена бензина для моторов, отсутствие зарплаты и т. п. — часто волнуют людей не меньше, если не больше, чем состояние погоды и льда. Никто уже не боится “изменений климата” и не собирается из-за них уезжать. “Любовь к родной земле” — фактор, отсутствующий в моделях климатологов, помогает людям быть стойкими (resilient), предприимчивыми или просто упрямыми» [20, с. 183].

ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЕКТЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ имеющихся данных и собственные наблюдения показывают, что неопределенность — чуть ли не всеобъемлющая категория, определяющая очень многие аспекты жизни и поведения населения Крайнего Севера, причем проявления воздействия природных неопределенностей связаны с неопределенностями социальными таким образом, что сокращение природных источников неопределенности ведет к росту социальной неопределенности, и наоборот: рост природной неопределенности снижает неопределенность социальную [21, 22]. Этот факт открывает широкий выбор объектов, изучение которых может внести вклад в понимание процессов, связанных с неопределенностью. Ниже всего лишь несколько примеров:

(1) Эпидемия COVID-19, затрагивая в той или иной степени все население нашей страны, приобретает особую актуальность в Арктическом регионе: разреженная инфраструктура затрудняет оказание своевременной медицинской помощи; большое количество периодически сменяющихся вахтовиков создает практически идеальные условия для распространения вируса; скученность населения в поселках, его длительное пребывание в закрытых помещениях в зимний период увеличивают скорость распространения заражения. Несмотря на то, что эти факторы известны, темпы прививочной кампании в Арктике в целом оказались невысоки. При этом вряд ли можно сказать, что большинство населения Арктики неправильно оценивало риски, связанные с болезнью, или преувеличивало риски, связанные с вакцинацией. Проблема состоит как раз в том, что люди не воспринимают и не оценивают по отдельности риски болезни и риски вакцинации и не сопоставляют их. Здесь идет речь о сложившейся за время эпидемии специфической форме переживания неопределенности, факторами которой являются заболеваемость COVID-19, вакцинация, действия местных и центральных властей в этой сфере и, возможно, целый ряд других факторов. Какова эта форма? Как она различается между группами населения и регионами Арктики? Каковы различные пути адаптации жителей Арктики к этой неопределенности? Лишь ответив, путем тщательного эмпирического исследования, на эти вопросы, можно понять причины неудачи кампании вакцинации в Арктике и наметить пути решения подобных проблем в будущем.

(2) Город Воркута и прилегающие к нему шахтовые поселки давно стали символом постсоветской депопуляции в Арктике. С 1992 г. агломерация потеряла почти 70 % процентов своего населения; с конца 1990-х гг. на уровне правительств Республики Коми и Российской Федерации обсуждались планы «свертывания» Воркуты. В результате среди жителей агломерации распространилась убежденность, что их город и поселки обречены на исчезновение. В то же время некоторые крупные экономические проекты прошедших двух десятилетий вызывали у населения Воркуты «вспышки надежды», приводившие даже к заметному увеличению цен на недвижимость. Среди жителей постоянно идут разговоры, что градообразующее предприятие собирается постепенно, по мере выработки имеющихся шахт, «уходить» из

Воркутинского района, что, разумеется, означает конец для города и окружающих его поселков. Как жители города воспринимают такие резкие переходы от надежды к пессимизму? Как они справляются с неопределенностью судьбы города и своей собственной судьбы? Каковы стратегии действий в условиях этой неопределенности, связанные, например, с созданием «запасных аэродромов» в плане работы и места жительства? Как такую неопределенность переживает молодежь, представители которой родились и выросли в условиях постоянного ожидания «закрытия» города?

(3) В небольших арктических сообществах, в значительной мере полагающихся в своем жизнеобеспечении на промысловые практики, источником неопределенности может быть не только постоянная вариативность окружающей среды, то есть в данном случае климатические изменения и связанные с ними изменения биологических циклов и ареалов обитания животных и растений, но и изменения в экономической конъюнктуре: востребованность того или иного промыслового ресурса, колебания рыночной стоимости сбываемых ресурсов, цен на продукты и технику, уровня оплаты труда и возможностей занятости. Природные и социальные факторы здесь работают в комплексе, и, кроме того, существуют общие социальные механизмы преодоления этих неопределенностей. Какие объяснения происходящих изменений избирают жители этих районов? Как они справляются с неопределенностью результатов жизнеобеспечения, какими средствами компенсируют возможные потери?

(4) Уже в течение нескольких лет летние лесные пожары вынуждают жителей Якутии существенно менять свою жизнь, отводя часть лета на борьбу с огнем в ущерб другой сезонной работе. Лесные пожары затрагивают многие районы Якутии, в ряде случаев подходя вплотную к населенным пунктам. Последним таким центром внимания якутских СМИ стало сгоревшее село Бясь-Кюэль; для исследования интерес представляют также и «рядовые» населенные пункты, рутинно противостоящие огню, например пос. Черский, где прошлым и позапрошлым летом лесной пожар угрожал местной ЛЭП. Как появление подобной неопределенности меняет жизнь населения поселка? Каковы социальные механизмы, позволяющие людям продолжать нормальную жизнь в этих условиях? Что, по мнению жителей, является причиной участившихся пожаров?

Число подобных примеров легко умножить. Объединяет их, однако, то, что для ответа на поставленные в них вопросы — а вопросы эти имеют не только теоретический интерес, но и существенную практическую значимость — недостаточно анализировать риски и их восприятие местным населением. Восприятие рисков должно быть поставлено в социальный, культурный, экономический и, возможно, исторический контекст. Понятие неопределенности позволяет провести такой анализ в рамках антропологического исследования.

Одновременно с определением объектов удалось определить и вопросы, ответы на которые составляют в нашем случае задачу исследования. В общей форме эти вопросы можно сформулировать так: какова роль природной и социальной неопределенности в тех или иных жизненных ситуациях, поведении и мотивациях постоянного населения Арктики? Каковы стратегии действий населения в условиях неопределенности, в том числе — дискурсивные стратегии, позволяющие объяснить растущую неопределенность? Как видится жителям роль различных акторов (органов государственной власти, промышленных предприятий, местных организаций, городских и поселковых сообществ) в преодолении негативных последствий при-

родных и социальных неопределенностей? Как в решении ситуаций, связанных с неопределенностью, задействованы социальные связи и сети? В поисках ответа на эти, в значительной степени теоретические, вопросы мы предполагаем опираться на примеры, имеющие практическую значимость; кроме перечисленных выше, можно указать и такие вопросы, как создание компенсаторной инфраструктуры спасения на случай аварий на Колымской трассе, стратегии преодоления нерегулярности Северного завоза (топлива и продуктов) в поселки бассейнов рек Индигирка и Анадырь, механизмы преодоления неопределенностей в промысловой деятельности и сбыте добытого на востоке Таймыра и др.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существующие этнографические исследования жизни с неопределенностью многообразны, но не систематичны. Среди них можно выделить несколько тематических и методологических фокусов: 1) микросоциология неопределенности — сконцентрированный на деталях анализ неясных коммуникативных ситуаций [23]; 2) анализ структуры чувств (*structure of feeling*): проявлений надежды, тревоги, волнения, предвосхищения и других аффективных реакций по поводу будущего [24–26], в т. ч. Б. Андерсон и соавторы предлагают рассматривать разные структуры чувства в связи с неопределенностью как разные «режимы неопределенности» [24]; 3) формирование специфических, обусловленных неопределенностью субъективностей [24, 25, 27, 28, 30]; 4) анализ неопределенности как техники власти — т. е. управления посредством создания неопределенности [26, 29–31]. Важное место в этнографических исследованиях неопределенности занимает описание разнообразных тактик жизни в неопределенности: сосредоточение на практиках заботы о домашнем пространстве на фоне финансового кризиса [32], в частности на рукоделии [33], развитие терпения в ситуации долгой хронической болезни [34], отказ от планирования в пользу использования случая [27], запрос компенсаций, привлечение ученых и экспериментирование в случае радиоактивной катастрофы [28], обращение к духам предков [35] и т. п. Эти тактики в значительной степени определяются контекстом.

С региональной точки зрения исследования неопределенности сосредоточены главным образом в местах с нестабильной военной и/или экономической обстановкой — в странах Африки [27, 36–39] и Израиле [30, 31, 40, 41]. На постсоветском пространстве неопределенность исследовалась опосредованно — в рамках изучения адаптации к экономическим и политическим переменам «переходного» периода 1990-х. Хотя эти исследования почти не оперировали понятием «неопределенность» и сосредотачивались только на нестабильности социальной среды, некоторые наблюдения, сделанные их авторами (напр., [35, 42, 43]), могут быть полезны для сравнения в предлагаемом исследовании. Исследования неопределенности в Арктике также пока единичны [44, 45].

На российском материале хорошо разработана количественная социология риска — в работах О. Н. Яницкого, А. В. Мозговой и сотрудников сектора проблем риска и катастроф Института социологии ФНИСЦ РАН; эти труды выполнены главным образом на материалах социологических опросов и экспериментов. В последние годы социологи риска также исследуют и адаптацию к неопределенности [46–51], однако их фокус направлен на население страны в целом и не учитывает влияния региональных особенностей на восприятие неопределенности и тактики жизни с ней.

«Антропология неопределенности», о создании которой объявлялось уже несколько раз, представляет собой быстро растущее и слабо структурированное направление со множеством подходов, состоит преимущественно из исследований, разрозненных тематически и регионально, и существующих во многом отдельно от них теоретических и методологических наработок. Систематические предметные исследования жизни с неопределенностью, включающей в себя различные виды неопределенности, пока отсутствуют. Представляется, что для дальнейшего развития этого направления необходимы исследования, более сфокусированные как тематически, так и регионально, проводимые не отдельными исследователями, а научными коллективами и создающие, таким образом, основу для широких обобщений.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Постановка нашего исследования в описанный выше теоретический контекст позволила яснее увидеть его методологически важные особенности и наметить методологический подход. Стало ясно, что основная особенность исследования — его региональный характер. Крайний Север, Арктическая зона РФ — стратегически значимый макрорегион, территория экстремальных климатических условий, требующая от ее жителей большой гибкости и приспособляемости. Именно в таких обстоятельствах малейшие изменения в окружающей среде или даже кажущаяся угроза этих изменений особенно сильно отражаются на поведении и жизненных решениях людей. Распространение COVID-19, проекты развития нефтедобывающей отрасли или упадок угледобычи, изменения в практиках судоходства, климатические сдвиги, изменения путей миграций животных, успешность завоза продуктов и топлива на отдаленные территории — примеры очень разных, но в равной мере актуальных для локальных сообществ явлений, так как именно с ними они связывают свое благополучие. В этих условиях особую значимость приобретает выявление и описание универсальных механизмов преодоления неопределенностей, существующих у населения Севера.

Второй особенностью использования является применение качественных методов к конкретным точкам. В науке существуют близкие по тематике исследования, но отсутствуют аналогичные сравнительные исследования, базирующиеся на применении качественных методов и рассматривающие различного рода неопределенности в комплексе. Существующие количественные исследования рисков и восприятия климатических изменений [52, 53] позволяют очертить проблему в общем виде, но не дают возможности описать конкретные тактики жизни с неопределенностью, а именно такое описание позволит создать полезные рекомендации для местных управленцев, сотрудников различных региональных ведомств, администраций муниципального и регионального уровней, может лечь в основу социального прогнозирования.

Методологически наше исследование должно прежде всего различать факторы, влияющие на неопределенность, и механизмы приспособления к ней. С точки зрения факторов, влияющих на неопределенность в Арктике, можно выделить такие явления, как неопределенность в отношениях с (дикой) природой, прежде всего с холодом, а также с хищниками (медведи и др.); для более южных районов Севера — с лесными пожарами (и страхом перед ними). Сюда же относится неопределенность, связанная с постоянными природными изменениями (климатические изменения, наступление моря и обрушение суши, раннее таяние льдов и др.), а также распространение вирусов и прочих патогенов. Кроме того, можно выделить неопределенность

в традиционном жизнеобеспечении (охота, промыслы), связанную с экономическими колебаниями и конъюнктурой рынка, а также неопределенность, связанную с поставками на Север продуктов и топлива (Северным завозом). Сюда же можно отнести неопределенность будущего (явления депопуляции, то есть сокращение населения в поселках и городах, появление поселков-призраков, распространение угроз здоровью и разреженная инфраструктура для борьбы с ними), страх перед будущим (ожидание закрытия градообразующего предприятия или падежа оленей) и дискурсивные объяснения этих явлений среди местного населения.

Механизмы приспособления к неопределенностям и их преодоления могут включать социальные сети и их сознательное конструирование как страховки от неопределенности, а также восприятие государственных служб и механизмов, призванных страховать от рисков (санавиация, пункты спасения на трассе, экстренные формы доставки и государственной поддержки и др.).

Таким образом, наше исследование должно включать различные аспекты жизни населения Крайнего Севера, в том числе:

- осознаваемые изменения сроков, форм, эффективности традиционной хозяйственной деятельности местного населения;
- роль частного транспорта, механизмы компенсации дефицита, социальные сети взаимопомощи;
- рост неопределенности и рисков чрезвычайных ситуаций и отношение к ним;
- соотношение дискурсов о природных и социальных изменениях «сверху» и «снизу»;
- этические и моральные установки и социальные нормы, повышающие предсказуемость поведения членов сообщества перед лицом неопределенности и, таким образом, уменьшающие эту неопределенность;
- рождение социальных мифов, страхов, прежде всего — иррациональных и конспирологических интерпретаций происходящих процессов, а также действий местной, региональной и федеральной власти по преодолению негативных последствий таких изменений;
- проблема доверия местного населения к власти (местной, региональной, федеральной).

При этом учитываются локальные особенности, возрастные, гендерные и другие аспекты восприятия и переживания неопределенности и использования механизмов ее преодоления.

Основной класс методов нашего исследования — качественные: включенное наблюдение в условиях полевой работы и углубленные интервью с представителями постоянного населения Крайнего Севера. Выбор этого региона исследования представляется обоснованным с методологической точки зрения по двум причинам. Во-первых, малая плотность населения, скудость транспортных связей, существенная роль охоты, рыболовства и собирательства ведут к тому, что природные неопределенности (сроки ледостава, сроки промерзания почв, определяющие сроки открытия зимников, и т. д.) гораздо сильнее влияют на жизнь местного населения по сравнению с центральными областями России, и поэтому существующая здесь неопределенность не только объективно выше, но и воспринимается острее. Во-вторых, природные изменения в арктической зоне происходят заметно быстрее и резче, чем в целом по стране [53], о чем населению постоянно напоминают СМИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в настоящей работе теоретические выборы и наработки позволили сформировать программу исследований, оказавшуюся достаточно убедительной для того, чтобы привлечь финансирование Российского научного фонда. С мая 2022 г. мы приступили к осуществлению нашего проекта. В настоящее время пилотные полевые исследования по проекту проведены в Ненецком АО (пос. Шойна), в Республике Коми (г. Воркута), в Республике Саха (Якутия) (пос. Черский), в Чукотском АО (поселки по течению р. Анадырь). Коллективу исследователей предстоит еще работать в Ямало-Ненецком АО (г. Салехард, поселки и тундровые районы), на Таймыре (пос. Сындаласко и Попигаи) и в Магаданской области (Колымская трасса).

Есть и первые, пока предварительные, результаты. Предварительно можно утверждать, что ситуация с неопределенностью и реакции на нее в настоящее время заметно изменились по сравнению с ситуацией год назад. Так, можно видеть рост различных «конспирологических» интерпретаций происходящего, например объяснение падежа оленей сознательными злонамеренными действиями газодобывающих компаний. Полезным кажется и понятие «предсказуемой неопределенности»: сезонной, связанной с погодой или с регулярно неудачными действиями снабженцев.

Мы надеемся, что дальнейшая работа по этому проекту принесет не только интересные результаты как теоретического, так и практического плана, но и будет полезна для людей, населяющих Крайний Север РФ.

Обобщая наш опыт разработки программы исследований, мы считаем возможным подчеркнуть следующие основные моменты.

Во-первых, наш опыт не может быть полностью скопирован в других исследовательских коллективах: очень многие методологические и теоретические моменты в нашем исследовании обусловлены институциональной направленностью и личным интересом членов нашего коллектива к исследованиям Севера и его населения. Хотя этот регион, несомненно, глубоко интегрирован с другими регионами страны, связан с ними многочисленными социальными, экономическими и инфраструктурными связями, нельзя не признать, что он имеет свою специфику, которая ярко проявилась в нашем выборе объектов исследования и, скорее всего, сопряженных с ними исследовательских задач. Тем не менее нашим опытом выбора и операционализации предмета исследования вполне можно воспользоваться и в других исследовательских контекстах.

Во-вторых, наш опыт показывает, что при разработке исследовательских программ важно не оставаться привязанным к понятийному и концептуальному аппарату «своей» основной дисциплины (в нашем случае — социальной антропологии). Привлечение понятий и концепций иных дисциплин — вещь, конечно, достаточно опасная, но возникающие в связи с этим риск и неопределенность часто вполне оправдывают себя.

Мы надеемся, что наш опыт окажется полезным и востребованным нашими коллегами.

Конфликт интересов. Конфликты интересов отсутствуют.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00238, <https://rscf.ru/project/22-18-00238/>.

Благодарности. Авторы признательны А.И. Карасевой за ценные дополнения к тексту настоящей статьи.

Competing interest. There is no conflict of interests.

Funding. The work was supported by the Russian Science Foundation within the framework of a grant No 22-18-00238, <https://rscf.ru/project/22-18-00238/>.

Acknowledgment. The authors are grateful to Anastasia Karaseva for important additions and comments to the text of the present article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ulturgasheva O., Bodenhorn B.* (eds). *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North*. New York: Berghahn, 2022. 236 p.
2. *Bravo M.* Afterword: Risk Constellations and the Politics of Polarity // *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North* / Edited by Ulturgasheva O. and Bodenhorn B. New York: Berghahn, 2022. P. 206–212.
3. *Bodenhorn B., Ulturgasheva O.* On Constellations and Connected-Up Thinking in the Face of the Future // *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North* / Edited by Ulturgasheva O. and Bodenhorn B. New York: Berghahn, 2022. P. 1–25.
4. *Douglas M., Wildavsky A.* *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press, 1984. 221 p.
5. *Beck U.* *Risk Society: Towards a New Modernity*. Los Angeles: SAGE Publications Ltd., 1992. 272 p.
6. *Chaney D.* *Lifestyles*. London: Routledge, 1996. 196 p.
7. *Zinn J.O.* Introduction: The Contribution of Sociology to the Discourse on Risk and Uncertainty // *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction* / Edited by J.O. Zinn. Malden: Blackwell, 2008. P. 1–17.
8. *Samimian-Darash L., Rabinow P.* (eds.) *Modes of Uncertainty: Anthropological cases*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 251 p.
9. *Crate S.A.* Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change // *Current anthropology*. 2008. V. 49. № 4. P. 569–595.
10. *Анисимов О.А., Жильцова Е.Л., Жезусов Ю.И.* Общественное восприятие изменения климата в холодных регионах России: пример Якутии // *Лед и снег*. 2017. Т. 57. № 4. С. 565–574. doi: 10.15356/2076-6734-2017-4-565-574.
11. *Anisimov O., Orttung R.* Climate change in Northern Russia through the prism of public perception // *Ambio*. 2019. V. 48. № 6. P. 661–671. doi: 10.1007/s13280-018-1096-x.
12. *Анисимов О.А., Жильцова Е.Л., Шаповалова К.О., Еришова А.А.* Анализ индикаторов изменения климата. Часть 2. Северо-Западный регион России // *Метеорология и гидрология*. 2020. № 1. С. 23–25.
13. *Leiserowitz A.* Climate change risk perception and policy preferences: The role of affect, imagery, and values // *Climatic Change*. 2006. V. 77. № 1–2. P. 45–72. doi: 10.1007/s10584-006-9059-9.
14. *Pietsch J., McAllister I.* “A diabolical challenge”: Public opinion and climate change policy in Australia // *Environmental Politics*. 2010. V. 19. № 2. P. 217–236. doi: 10.1080/09644010903574509.
15. *Telešienė A., Gross M.* How Green are Green Europeans? // *Green European: Environmental Behaviour and Attitudes in Europe in a Historical and Cross-Cultural Comparative Perspective*. London: Routledge, 2017. P. 1–11. doi: 10.4324/9781315648491.
16. *Krupnik I., Rubis J., Nakashima D.* Indigenous Knowledge for Climate Change Assessment and Adaptation: Epilogue // *Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation* / Edited by Igor Krupnik, Jennifer Rubis and Douglas Nakashima. Cambridge: Cambridge UP, 2018. P. 280–291. doi: 10.1017/9781316481066 3.
17. *Slovic P.* *The Perception of Risk*. London: Routledge, 2000. 512 p.

18. *Nakashima D., Rubis J., Krupnik I.* Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation: Introduction // *Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation* / Edited by Igor Krupnik, Jennifer Rubis and Douglas Nakashima. Cambridge: Cambridge UP, 2018. P. 1–20. doi: 10.1017/9781316481066 3.
19. *Boholm Å.* The cultural nature of risk: Can there be an anthropology of uncertainty? // *Ethnos*. 2003. V. 68. № 2. P. 159–178.
20. *Krupnik I.* At the Frontline or Very Close. Living with Change on St. Lawrence Island, Alaska, 1999–2017 // *Climate and Culture: Multidisciplinary Perspectives on a Warming World*. Edited by Giuseppe Feola, Hilary Geoghegan, and Alex Arnall, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 168–187.
21. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 253 с.
22. *Пилясов А.Н., Цукерман В.А.* Арктические корпорации и освоенческие риски: вызов и ответ // *Арктика и Север*. 2021. № 44. С. 103–129.
23. *Berthomé F., Bonhomme J., Delaplace G.* Preface: cultivating uncertainty // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012. V. 2. № 2. P. 129–137.
24. *Anderson B., Wilson H.F., Forman P.J., Heslop J., Ormerod E., Maestri G.* Brexit: Modes of uncertainty and futures in an impasse // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2020. V. 45. № 2. P. 256–269.
25. *Cooper E., Pratten D.* Ethnographies of uncertainty in Africa: An introduction // *Ethnographies of uncertainty in Africa*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16.
26. *Griffiths M.* Living with uncertainty: Indefinite immigration detention // *Journal of Legal Anthropology*. 2013. V. 1. № 3. P. 263–286.
27. *Johnson-Hanks J.* When the future decides: uncertainty and intentional action in contemporary Cameroon // *Current anthropology*. 2005. V. 46. № 3. P. 363–385.
28. *Rosenberger N.* Japanese organic farmers: Strategies of uncertainty after the Fukushima disaster // *Ethnos*. 2016. V. 81. № 1. P. 1–24.
29. *Button G.* Disaster culture: knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. London: Routledge, 2010. 312 p.
30. *Samimian-Darash L.* Practicing uncertainty: Scenario-based preparedness exercises in Israel // *Cultural Anthropology*. 2016. V. 31. № 3. P. 359–386.
31. *Samimian-Darash L., Rabi M.* Governing uncertainty, producing subjectivity: from Mode I to Mode II scenarios // *Subjectivity*. 2021. V. 14. P. 1–18.
32. *Bird T.* The creativity of everyday uncertainty: Improvisation, material security, and wellbeing in urban households in the Northeastern United States // *Journal of Organizational Ethnography*. 2019. V. 9. № 1. P. 1–16. doi: 10.1108/JOE-12-2017-0073.
33. *Buchczyk M.* Making certainty and dwelling through craft // *Journal of American Folklore*. 2020. V. 133. № 528. P. 178–192.
34. *Honkasalo M.L.* Enduring as a mode of living with uncertainty // *Health, Risk Society*. 2008. V. 10. № 5. P. 491–503.
35. *Buyandelgeriyin M.* Dealing with uncertainty: shamans, marginal capitalism, and the remaking of history in postsocialist Mongolia // *American Ethnologist*. 2007. V. 34. № 1. P. 127–147.
36. *Calkins S.* Who knows tomorrow?: Uncertainty in north-eastern Sudan. New York: Berghahn Books, 2016. 282 p.
37. *Cooper E., Pratten D.* (Eds.) *Ethnographies of uncertainty in Africa*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 216 p.
38. *Dungey C.E., Ansell N.* ‘I go to school to survive’: Facing physical, moral and economic uncertainties in rural Lesotho // *Children’s Geographies*. 2020. V. 18. № 6. P. 614–628.

39. Verhoeven H. Climate water in a changing Africa: uncertainty, adaptation the social construction of fragile environments // *Dædalus*. 2021. V. 150. № 4. P. 260–277.
40. Kelly T. Documented lives: fear and the uncertainties of law during the second Palestinian intifada // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2006. V. 12. № 1. P. 89–107.
41. Sosis R., Handwerker W.P. Psalms and coping with uncertainty: Religious Israeli women's responses to the 2006 Lebanon war // *American Anthropologist*. 2011. V. 113. № 1. P. 40–55.
42. Burawoy M., Verdery K. (Eds.) *Uncertain transition: ethnographies of change in the postsocialist world*. Lanham: Rowman and Littlefield, 1999. 330 p.
43. Shevchenko O. *Crisis and the everyday in postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 256 p.
44. Hébert K. Enduring capitalism: instability, precariousness, and cycles of change in an Alaskan salmon fishery // *American Anthropologist*. 2015. V. 117. № 1. P. 32–46.
45. Wentze S.I. State of uncertainty: educating the first railroaders in Central Sakha (Yakutiya) // *Transfers*. 2020. V. 10. № 2–3. P. 175–194.
46. Мозговая А.В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 4. С. 151–165.
47. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Адаптация к неопределенности среды: ресурсы жителей больших городов // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 3. С. 124–130.
48. Зорина А.Е., Мозговая А.В. Работники вредных производств: средовые и личностные факторы адаптации к социальным изменениям // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 4. С. 54–68.
49. Мозговая А.В. Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений // *Социологический журнал*. 2021. Т. 27. № 3. С. 60–77.
50. Шлыкова Е.В. Субъективная оценка безопасности как показатель адаптированности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 4. С. 105–120.
51. Солдатенко С.А., Алексеев Г.В., Иванов Н.Е., Вязилова А.Е., Харланенкова Н.Е. Об оценке климатических рисков и уязвимости природных и хозяйственных систем в морской арктической зоне РФ // *Проблемы Арктики и Антарктики*. 2018. Т. 64. № 1. С. 55–70.
52. Davydov A., Mikhailova G. Climate change and consequences in the Arctic: perception of climate change by the Nenets people of Vaigach Island // *Global Health Action*. 2011. V. 4. № 1. P. 8436.
53. Катцов В.М., Семенов С.М. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: Общее резюме. НИЦ “Планета”, 2014. URL: http://downloads.igce.ru/publications/OD_2_2014/v2014/pdf/resume_ob.pdf (дата обращения 20.11.2022)

REFERENCES

1. *Ulturgasheva O., Bodenhorn B.* (eds). *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North*. New York: Berghahn, 2022: 236 p.
2. *Bravo M.* Afterword: Risk Constellations and the Politics of Polarity. *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North*. Edited by Ulturgasheva O. and Bodenhorn B. New York: Berghahn, 2022: 206–212.
3. *Bodenhorn B., Ulturgasheva O.* On Constellations and Connected-Up Thinking in the Face of the Future *Risky Futures: Climate, Geopolitics and Local Realities in the Uncertain Circumpolar North*. Edited by Ulturgasheva O. and Bodenhorn B. New York: Berghahn, 2022: 1–25.
4. *Douglas M., Wildavsky A.* *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press, 1984: 221 p.

5. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. Los Angeles: SAGE Publications Ltd., 1992: 272 p.
6. Chaney D. Lifestyles. London: Routledge, 1996: 196 p.
7. Zinn J.O. Introduction: The Contribution of Sociology to the Discourse on Risk and Uncertainty. Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction. Edited by J.O. Zinn. Malden: Blackwell, 2008: 1–17.
8. Samimian-Darash L., Rabinow P. (eds.) Modes of Uncertainty: Anthropological cases. Chicago: University of Chicago Press, 2015: 251 p.
9. Crate S.A. Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change. Current anthropology. 2008, 49 (4): 569–595.
10. Anisimov O.A., Zhiltsova E.L., Zhegusov Yu.I. Public perception of climate change in the cold regions of Russia: the example of Yakutia. *Led i Sneg. Ice and Snow*. 2017, 57 (4): 565–574. doi: 10.15356/2076-6734-2017-4-565-574. [In Russian].
11. Anisimov O., Orttung R. Climate change in Northern Russia through the prism of public perception. *Ambio*. 2019, 48 (6): 661–671. doi: 10.1007/s13280-018-1096-x.
12. Anisimov O.A., Zhiltsova E.L., Shapovalova K.O., Ershova A.A. Analysis of climate change indicators. Part 2. Northwestern region of Russia. *Meteorologiya i Gidrologiya. Meteorology and Hydrology*. 2020, 1: 23–25. [In Russian].
13. Leiserowitz A. Climate change risk perception and policy preferences: The role of affect, imagery, and values. *Climatic Change*. 2006, 77 (1–2): 45–72. doi: 10.1007/s10584-006-9059-9.
14. Pietsch J., McAllister I. “A diabolical challenge”: Public opinion and climate change policy in Australia. *Environmental Politics*. 2010, 19 (2): 217–236. doi: 10.1080/09644010903574509.
15. Telešienė A., Gross M. How Green are Green Europeans? Green European: Environmental Behaviour and Attitudes in Europe in a Historical and Cross-Cultural Comparative Perspective. London: Routledge, 2017: 1–11. doi: 10.4324/9781315648491.
16. Krupnik I., Rubis J., Nakashima D. Indigenous Knowledge for Climate Change Assessment and Adaptation: Epilogue. In *Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation*. Edited by Igor Krupnik, Jennifer Rubis and Douglas Nakashima. Cambridge: Cambridge UP, 2018: 280–291. doi: 10.1017/9781316481066 3.
17. Slovic P. The Perception of Risk. London: Routledge, 2000: 512 p.
18. Nakashima D., Rubis J., Krupnik I. Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation : Introduction. *Indigenous Knowledge for Climate Change: Assessment and Adaptation*. Edited by Igor Krupnik, Jennifer Rubis and Douglas Nakashima. Cambridge: Cambridge UP, 2018: 1–20. doi: 10.1017/9781316481066 3.
19. Boholm Å. The cultural nature of risk: Can there be an anthropology of uncertainty? *Ethnos*. 2003, 68 (2): 159–178.
20. Krupnik I. At the Frontline or Very Close. Living with Change on St. Lawrence Island, Alaska, 1999–2017. *Climate and Culture: Multidisciplinary Perspectives on a Warming World*. Edited by Giuseppe Feola, Hilary Geoghegan, and Alex Arnall. Cambridge: Cambridge University Press, 2019: 168–187.
21. North D. *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy*. Understanding the process of economic change. Moscow: HSE Publishing House, 2010: 253 p. [In Russian].
22. Piliasov A.N., Tsukerman V.A. Arctic corporations and development risks: challenge and response. *Arktika i Sever. Arctic and North*. 2021. 44: 103–129. [In Russian].
23. Berthomé F., Bonhomme J., Delaplace G. Preface: cultivating uncertainty. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012, 2 (2): 129–137.

24. *Anderson B., Wilson H.F., Forman P.J., Heslop J., Ormero E., Maestri G.* Brexit: Modes of uncertainty and futures in an impasse. *Transactions of the Institute of British Geographers.* 2020, 45 (2): 256–269.
25. *Cooper E., Pratten D.* Ethnographies of uncertainty in Africa: An introduction. *Ethnographies of uncertainty in Africa.* London: Palgrave Macmillan, 2015: 1–16.
26. *Griffiths M.* Living with uncertainty: Indefinite immigration detention. *Journal of Legal Anthropology.* 2013, 1 (3): 263–286.
27. *Johnson-Hanks J.* When the future decides: uncertainty and intentional action in contemporary Cameroon. *Current anthropology.* 2005, 46 (3): 363–385.
28. *Rosenberger N.* Japanese organic farmers: Strategies of uncertainty after the Fukushima disaster. *Ethnos.* 2016, 81 (1): 1–24.
29. *Button G.* Disaster culture: knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. London: Routledge, 2010: 312 p.
30. *Samimian-Darash L.* Practicing uncertainty: Scenario-based preparedness exercises in Israel. *Cultural Anthropology.* 2016, 31 (3): 359–386.
31. *Samimian-Darash L., Rabi M.* Governing uncertainty, producing subjectivity: from Mode I to Mode II scenarios. *Subjectivity.* 2021, 14: 1–18.
32. *Bird T.* The creativity of everyday uncertainty: Improvisation, material security, and wellbeing in urban households in the Northeastern United States. *Journal of Organizational Ethnography.* 2019, 9 (1): 1–16. doi: 10.1108/JOE-12-2017-0073.
33. *Buchczyk M.* Making certainty and dwelling through craft. *Journal of American Folklore.* 2020, 133 (528): 178–192.
34. *Honkasalo M.L.* Enduring as a mode of living with uncertainty. *Health, Risk Society.* 2008, 10 (5): 491–503.
35. *Buyandelgeriyn M.* Dealing with uncertainty: shamans, marginal capitalism, and the remaking of history in postsocialist Mongolia. *American Ethnologist.* 2007, 34 (1): 127–147.
36. *Calkins S.* Who knows tomorrow?: Uncertainty in north-eastern Sudan. New York: Berghahn Books, 2016: 282 p.
37. *Cooper E., Pratten D.* (Eds.) *Ethnographies of uncertainty in Africa.* New York: Palgrave Macmillan, 2015: 216 p.
38. *Dungey C.E., Ansell N.* ‘I go to school to survive’: Facing physical, moral and economic uncertainties in rural Lesotho. *Children’s Geographies.* 2020, 18 (6): 614–628.
39. *Verhoeven H.* Climate water in a changing Africa: uncertainty, adaptation the social construction of fragile environment. *Dædalus.* 2021, 150 (4): 260–277.
40. *Kelly T.* Documented lives: fear and the uncertainties of law during the second Palestinian intifada. *Journal of the Royal Anthropological Institute.* 2006, 12 (1): 89–107.
41. *Sosis R., Handwerker W.P.* Psalms and coping with uncertainty: Religious Israeli women’s responses to the 2006 Lebanon war. *American Anthropologist.* 2011, 113 (1): 40–55.
42. *Burawoy M., Verdery K.* (Eds.) *Uncertain transition: ethnographies of change in the postsocialist world.* Lanham: Rowman and Littlefield, 1999: 330 p.
43. *Shevchenko O.* *Crisis and the everyday in postsocialist Moscow.* Bloomington: Indiana University Press, 2009: 256 p.
44. *Hébert K.* Enduring capitalism: instability, precariousness, and cycles of change in an Alaskan salmon fishery. *American Anthropologist.* 2015, 117 (1): 32–46.
45. *Wentzel S.I.* State of uncertainty: educating the first railroaders in Central Sakha (Yakutiya). *Transfers.* 2020, 10 (2–3): 175–194.

46. *Mozgovaya A.V.* Identification, assessment and adaptation to risk under uncertainty. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Social Science and Social Praxis. 2019, 7 (4): 151–165. [In Russian].
47. *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Adapting to Environmental Uncertainty: Urban Resources. *Logos et Praxis*. 2019, 18 (3): 124–130. [In Russian].
48. *Zorina A.E., Mozgovaya A.V.* Workers in hazardous industries: environmental and personal factors of adaptation to social changes. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Social Science and Social Praxis. 2020, 8 (4): 54–68. [In Russian].
49. *Mozgovaya A.V.* Adaptation to environmental changes: risks of social and technological innovations. *Sotsiologicheskii zhurnal*. Sociological Journal. 2021, 27 (3): 60–77. [In Russian].
50. *Shlykova E.V.* Subjective assessment of safety as an indicator of adaptability to the risks of social change: methodological and empirical substantiation of the research approach. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Social Science and Social Praxis. 2020, 8 (4): 105–120. [In Russian].
51. *Soldatenko S.A., Alekseev G.V., Ivanov N.E., Vyazilova A.E., Kharlanenkova N.E.* On the Assessment of Climate Risks and Vulnerability of Natural and Economic Systems in the Marine Arctic Zone of the Russian Federation. *Problemy Arktiki i Antarktiki*. Arctic and Antarctic Research. 2018, 64 (1): 55–70. [In Russian].
52. *Davydov A., Mikhailova G.* Climate change and consequences in the Arctic: perception of climate change by the Nenets people of Vaigach Island. *Global Health Action*. 2011, 4 (1): 8436.
53. *Kattsov V.M., Semenov S.M.* The second assessment report of Roshydromet on climate change and its consequences on the territory of the Russian Federation: General summary. NITS “Planeta”, 2014. [In Russian]. Available at: http://downloads.igce.ru/publications/OD_2_2014/v2014/pdf/resume_ob.pdf (accessed 20.11.2022)